

Духовенство, верующие и власть на освобождённой от нацистов территории СССР в 1944—1946 гг.

Иван Петров

The clergy, believers and authorities in the territory of the USSR liberated from the Nazis in 1944—1946

Ivan Petrov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010147-2

Встреча трёх митрополитов с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г. и последовавшая за ним корректировка конфессиональной политики в СССР во многом предопределили на следующие 45 лет характер церковно-государственных отношений и распределение сфер ответственности разных ветвей власти и ведомств, взаимодействовавших с религиозными организациями. Не стоит забывать, что всё это происходило в условиях войны, в которой нацистская Германия активно пыталась использовать «церковную карту». Для противодействия немецкой пропаганде, а также установления контроля за прихожанами и клириками на ранее оккупированных, а теперь постепенно освобождавшихся территориях, был создан сложный и до сих пор недостаточно изученный институт уполномоченных по делам Русской Православной Церкви (РПЦ)¹.

Как отмечал М.И. Одинцов, контакты с церковными учреждениями первоначально предполагалось передать в Народный комиссариат государственной безопасности, но затем было решено создать принципиально новый орган, формально не связанный какой-либо преемственностью с ВЧК и ОГПУ — Совет по делам РПЦ при СНК СССР². При этом В.М. Молотов настаивал на том, чтобы в областях, переживших оккупацию, на должность уполномоченных назначали исключительно «чекистов»³. К концу 1943 г. аппарат Совета по делам РПЦ был сформирован, тогда же уполномоченные отправились в союз-

© 2020 г. И.В. Петров

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № №18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941—1944 гг.».

This research was supported by the «Russian Science Foundation», project No. 18-78-00048 «Orthodox clergy on the Occupied areas of the RSFSR in 1941—1944».

¹ Как правило, историки указывали лишь общий вектор взаимоотношений между уполномоченными и группами верующих, без сравнительного анализа положения церковных общин в разных регионах. Исключение составляют монография М.В. Шкаровского и диссертация Д.Ю. Макаровой: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999; *Макарова Д.Ю.* Эволюция взаимоотношений Русской Православной Церкви и советского государства в 1943—1991 гг. (на материалах Курской области). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015.

² *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1995. С. 14—15; *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1946 гг. М., 2014. С. 69—153, 181—215.

³ *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие, 1941—1961. М., 1999. С. 28.

ные и автономные республики, края и области. Их основной задачей являлось наблюдение за религиозным возрождением на местах, учёт открытых молитвенных зданий, проведение в жизнь правительственных распоряжений, а также составление ежеквартальных отчётов о собственной деятельности. 1 декабря 1944 г. СНК СССР принял постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобождённой от нацистской оккупации». В нём рекомендовалось по возможности воздерживаться от закрытия появившихся при немцах храмов, изымая лишь те помещения, в которых до войны располагались школы, театры, дома культуры, но с обязательным выделением прихожанам в течение месяца другой площади. Местным властям предписывалось мириться с тем, что есть районы, где открыто несколько десятков церквей, тогда как в некоторых областях службы не совершались ни в одной. Слом недействующих церквей разрешали лишь в исключительных случаях. Общины могли беспрепятственно ремонтировать культовые сооружения, но не строить новые⁴. Впрочем, на практике уполномоченные часто отходили от данных правил, к примеру, перемещали верующих в более тесные постройки, или же активно способствовали упразднению тех приходов, где отсутствовали общины (или им не удалось подать документы для регистрации)⁵.

В ранее оккупированных районах уполномоченные чаще всего сталкивались с противостоянием и даже взаимной враждебностью верующих, привыкших к относительной свободе церковной проповеди и приходской жизни, и вернувшихся представителей советской власти (председателей колхозов и райисполкомов, сотрудников милиции и т.д.), не понимавших изменения религиозной политики атеистического государства и не сочувствовавших её проведению. Как докладывал уполномоченный по делам РПЦ по БССР Н.П. Чесноков, «коммунисты и партизаны Белоруссии, боровшиеся за освобождение своей Родины от немецко-фашистских захватчиков и знавшие о пособнической и предательской деятельности подавляющей части православного духовенства, а не некоторой, не могли относиться к своим врагам иначе, как с повышенной настороженностью и вполне естественным предубеждением»⁶. В частности, в Барановичской обл. «некоторые сельские работники» относились к духовенству «с явным пренебрежением, с подчеркнутой неприязнью и, конечно, не церемонятся в выражениях, когда разговаривают с духовенством, называя их “попами, долгогривыми, обманщиками”»⁷.

Иногда уполномоченный по делам Русской Православной Церкви примерял на себя маску миротворца в вопросах налаживания взаимоотношений между двумя сторонами конфликта: местными советскими властями и священниками. В Курской обл. один из председателей сельсовета открыто заявил: «Политика уполномоченного заключается в том, чтобы граждане ходили в церковь, а моя, чтобы не ходили»⁸. Уполномоченный по делам РПЦ по Воронеж-

⁴ *Одинцов М.И.* Религиозные организации... С. 18–21.

⁵ Подробнее см.: *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. СПб., 2013. С. 121.

⁶ Национальный архив республики Беларусь (далее — НА РБ), ф. 951, оп. 1, д. 5, л. 4–5.

⁷ Там же, л. 130.

⁸ Уполномоченный по делам РПЦ по Курской обл. В.Н. Ефремов в первые послевоенные годы достаточно объективно освещал нужды православного духовенства на вверенной ему территории (Государственный архив Курской области (далее — ГА КО), ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 58).

ской обл. В.С. Гостев в 1944 г. предостерегал городских и районных руководителей от жёсткого обращения с духовными лицами и мирянами, которым не раз приходилось терпеть угрозы и оскорбления⁹. Порою доходило до растаскивания имущества храмов, открытых в период оккупации, и несанкционированного разрушения церковных зданий¹⁰.

Весьма характерный случай описал священник с. Ольховатка Нижнеоскольского района Курской обл. Михаил Вересин. Прибыв к месту служения, он остановился в доме ктитора, куда на четвёртый день вломился вместе с пьяным милиционером разгорячённый спиртным председатель местного сельсовета Титов, стучавший кулаком по столу и кричавший в присутствии семьи, приютившей батюшку: «Ты куда приехал? Нет скажи: ты куда приехал? Ты знаешь, кто я? Я представитель государственной власти! Скажи, должен ты уважать меня? Скажи: какого числа вышел заём (был период распространения денежно-вещевой лотереи)?.. Ты любишь советскую власть? Ты любишь Ленина? Ты любишь Сталина?.. Я тебя арестую! Здесь прокурор и НКВД в сельсовете. Я тебя сейчас при них арестую и отправлю в тюрьму, в город! Идём в сельсовет! Ты поп медный лоб»¹¹. В сельсовете о. Михаил полтора часа выслушивал рассуждения председателя о том, как его «нужно уважать». При этом Титов заставлял его взять билет для церкви на 3 тыс. руб. и лично для себя на 1 тыс. руб., в итоге один билет на 1 тыс. руб. пастырю пришлось приобрести. Но ещё примечательнее, что Титов вскоре был осуждён на два года, а обруганный им священник выступал свидетелем на судебном процессе¹².

В с. Тростенец Верхнемихайловского района Курской обл. директор школы, выступая на очередном собрании колхоза, говорил крестьянам: «Вы много молитесь, а в церкви вас обманывают, мы скоро прекратим ваши хождения». Член того же колхоза С.П. Пахомов утверждал, что «церковь существует пока война»¹³. В с. Липовском Черемисиновского района Курской обл. председатель сельсовета Воронова, войдя в чужую хату, где местный священник служил требу, стала его оскорблять, называя «заразой, обжорой», а также разгоняла колхозников, пришедших освятить пасхи¹⁴.

Подобные выходки уполномоченные иногда вынуждены были квалифицировать как антисоветские выпады. Так, докладывая в 1945 г. о действиях председателя одного из колхозов Воронежской обл., устроившего скандал в местной церкви, уполномоченный Гостев сетовал на то, что в «своей душевной простоте колхозный вожак Красильников» не понимает, как его действия подрывают «prestиж советской власти»¹⁵.

Особенно остро в Воронежской обл., освобождённой уже в 1943 г., ощущалась проблема захвата местными властями храмов, открытых в период нацистской оккупации. До войны в них размещались школы и различные советские учреждения. Поэтому, как сообщал Гостев председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову, «в связи с изъятием у религиозных общин общественных зданий, ряд церквей прекратили своё существование в первые же

⁹ Государственный архив Воронежской области (далее — ГА ВО), ф. 957, оп. 5, д. 3, л. 93.

¹⁰ Там же, л. 93 об.

¹¹ ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 75.

¹² Там же, л. 75—76.

¹³ Там же, д. 6, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 36.

¹⁵ ГА ВО, ф. 957, оп. 5, д. 2, л. 76—76 об.

дни освобождения того или иного населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков»¹⁶. В 1944—1945 гг. местные власти уже не желали их уступать верующим, и уполномоченному приходилось искать компромисс.

Гораздо реже отмечалось участие председателей сельских советов и работников образования в религиозной жизни. Так, уполномоченный по делам РПЦ по Курской обл. В.Н. Ефремов из разговоров с местными коммунистами узнал о том, что некоторые члены партии крестят детей, приносят святить пасху, а директор маслозавода в г. Судже в воскресенье привезла мать на казённой лошади к церкви¹⁷.

Примечательно, что многие верующие смело высказывали недовольство своим бесправием и, не ощущая поддержки со стороны уполномоченных, обращались к руководителям Советского Союза. Так, 5 тыс. жителей с. Баскаково Смоленской обл. жаловались председателю Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинину на то, что им, молившимся об изгнании «чёрной чумы» и уповавшим на победу Красной армии, вносящим деньги в фонд обороны, теперь запрещено райисполкомом ремонтировать храм, тогда как расположенная рядом церковно-приходская сторожка занята квартирантами, якобы специально туда подселёнными¹⁸.

В станице Новокубанской Белореченского района Краснодарского края в период оккупации богослужение совершалось в столовой Райпотребсоюза, никогда до войны не использовавшейся для подобных целей. Сразу же после отступления нацистов райисполком потребовал освободить здание, однако председатель церковного совета и настоятель прихода не только не выполнили данное предписание, но явились на приём к уполномоченному по делам РПЦ по Краснодарскому краю И.И. Кириллову, настаивая на предоставлении им взамен другого помещения, причём до согласования «переезда» передавать «храм-столовую» они не собирались. В Туапсе прихожане, которым отказали в открытии церкви, стали собираться на молитву в частном доме. При этом Кириллова особенно беспокоило то, что данной общиной руководил монах Карп (Хомуцкий), имевший репутацию фанатика, активно пропагандировавшего антисоветские взгляды. В итоге уполномоченный добивался от горисполкома точных сведений о деятельности верующих и предупреждения возможных эксцессов¹⁹.

Ещё одной проблемой, с которой постоянно приходилось сталкиваться уполномоченным, являлись широко распространённые слухи об «обновлении икон». Православное духовенство помогало бороться с подобными суевериями, однако далеко не все священники готовы были включиться в разоблачение «религиозных» предрассудков прихожан²⁰. Решительнее других их осуждал архиепископ Гродненский и Барановичский Варсонофий (Гриневич), заявлявший: «Я не потерплю, привлеку к ответственности — благочинного и священника, в приходе которого обновилась икона, чтобы другим неповадно было. Пусть

---

¹⁶ Там же, д. 3, л. 118—118 об.

¹⁷ ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 74.

¹⁸ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. Р-1690, оп. 1, д. 6, л. 3—4.

¹⁹ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГА КК), ф. Р-1519, оп. 1, д. 3, л. 10 об.,

25.

²⁰ НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 4, л. 197; д. 5, л. 39; ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 2, л. 6—6 об.

каждый пастырь моей епархии честно и добросовестно своим собственным трудом добывает кусок хлеба»²¹.

Иначе поступал архиепископ Крымский и Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий). Получив известие о том, что у местной жительницы О. Коневец «обновилась икона», он сначала отправил к ней на квартиру священника для выяснения обстоятельств, а потом распорядился поместить икону в кафедральный собор Симферополя для предупреждения слухов о чуде. Через несколько дней владыка лично в сослужении всего причта совершил у иконы молебен, а во время проповеди, говоря об обновлении икон, привёл несколько примеров из своей биографии. Более того, архиерей заверил присутствовавших, что икона действительно обновилась и никакого участия в этом духовенство не принимало²². Лишь недовольство светских властей и органов государственной безопасности, сразу же информировавших Москву, заставило патриарха Алексия I объявить эту икону ничем непримечательной и остановить её стихийное почитание²³. Крымский уполномоченный Я.И. Жданов даже предлагал Карпову, воспользовавшись этим, «архиепископа Луку, как главного шарлатана в данном случае, окончательно скомпрометировавшего себя среди верующих и вызвавшего возмущение местных партийных и советских органов, удалить в какой-либо монастырь на покой с тем, чтобы он больше не распространял мистические суеверия в массах»²⁴.

Далеко не всегда понятно, были ли те или иные запреты и ограничительные меры продиктованы личными убеждениями епархиального начальства или же объяснялись позицией уполномоченных и иных представителей советской власти. Отношения между уполномоченными и архиереями складывались по-разному. Чаще всего, особенно если на кафедре назначался иерарх, не служивший под немцами, они носили рабочий характер при ведущей роли государственных структур. При этом сказывались и возраст владыки, его поведение и опыт в довоенное время, стойкость и влияние в обществе.

Обычно, заняв кафедру и образовав епархиальное управление, архиереи выпускали патриотические обращения к пастве с призывами к продолжению борьбы с захватчиками. Так, епископ Смоленский и Доргобужский Сергей (Смирнов), уже 4 декабря 1944 г. напоминал верующим, что в ближайшее время основной задачей становятся «поднятие общего духа в борьбе за восстановление наших культурных и духовных сил», энергичное строительство, героическое напряжение и личная жертвенность во имя «народного благополучия и выражения высокого патриотизма»²⁵. Впоследствии у него сложились крепкие отношения с уполномоченным и местной администрацией, способствовавшей советской конфессиональной политике.

Наиболее требовательным по отношению к своим кураторам был архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий). Его пред-

---

²¹ НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 6, л. 47.

²² Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946—1961 гг. / Сост. прот. Н. Доненко, Р.А. Замтарадзе, С.Б. Филимонов. Симферополь, 2015. С. 629.

²³ *Petrov I. The Orthodox Church and the totalitarian regime in the post-war Crimea: a survival strategy of archbishops Josaph (Zhurmanov) and Luka (Voino-Yasenetsky) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2017. № XXIII. P. 119.*

²⁴ Крымская епархия... С. 631.

²⁵ ГА СО, ф. Р-1690, оп. 1, д. 4, л. 53—53 об.

шественник, епископ Иоасаф (Журманов), скованный внутренними ограничениями и соглашавшийся практически на любые компромиссы и требования, усердно занимался «патриотической» работой и советовался с уполномоченным практически по любому вопросу. С декабря 1944 г. по ноябрь 1945 г. владыка посетил его 38 раз²⁶. Однако с назначением в Крым Луки ситуация заметно изменилась. Лауреат Сталинской премии I степени, учёный с мировым именем, прекрасно зарекомендовавший себя во время войны, к тому же уроженец полуострова, он сразу же сменил тон и добился уважительного обращения к себе по церковному титулованию, а не по имени и отчеству²⁷. О каком-либо заискивании уже не могло быть и речи. Архиепископ хорошо понимал своё положение и, несмотря на негативную реакцию контролирующих органов, умело использовал научный авторитет для проповеди среди молодёжи, включая комсомольцев, ранее ничего хорошего не слышавших о Христе и Церкви²⁸.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) также пытался вести себя независимо с уполномоченным по городу Ленинграду и Ленинградской области А.И. Кушнаревым. Планов у владыки было много, он мечтал об организации полноценного высшего религиозного образования в Советском Союзе. Однако Кушнарев, борющийся с последствиями возрождения приходской жизни на Северо-Западе России в период войны, отказывался идти на малейшие компромиссы и жёстко пресекал любую активность православного духовенства. В 1945 г. он даже предлагал Совету по делам РПЦ запретить проповеди священников во время богослужения. Более того, о данной инициативе он сообщил митрополиту. Однако в Совете подобную меру не поддержали, и его член Г.Т. Уткин уведомил Кушнарёва: «Ввиду того, что церковные проповеди являются составной частью церковной службы, запрещать таковые не следует. Вы правильно обратили внимание митрополита на неуместный выпад священника Беякова против неверующих. Вместе с тем ставить вопрос перед митрополитом о прекращении проповедей без консультации по этому вопросу с Советом Вам не следовало»²⁹.

Представители бывшего обновленческого епископата охотнее принимали участие в пропагандистских кампаниях властей. Многие из них понимали, что своим местом обязаны ходатайствам уполномоченных, старавшихся удалить «тихоновцев» с вверенных им территорий и предпочитавших иметь дело с прежними обновленцами, принесшими покаяние. Наиболее резко это проявлялось на Юге России, где дольше всего сохранялось противостояние между вернувшимися из раскола и последовательными сторонниками «патриаршей ориентации». В 1944—1945 гг. религиозной жизнью Краснодарского края руководили как епископ-сергианин Фотий (Тапиро), так и женатый обновленческий архиерей Владимир Иванов, в годы войны сотрудничавший с нацистами, а теперь пользовавшийся поддержкой уполномоченного И.И. Кириллова. Ещё 26 сентября 1944 г., как только стало известно о возможном переводе владыки Фотия, Кириллов информировал Карпова о том, будто даже «близкие к Фотию люди» готовы признать Иванова управляющим епархией³⁰. Затем он постоянно

²⁶ Государственный архив республики Крым, ф. Р-2647, оп. 1, д. 2, л. 54—59, 62.

²⁷ *Petrov I. The Orthodox Church and the totalitarian regime...* P. 112—113.

²⁸ *Ibid.* P. 115.

²⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. Р-9324, оп. 2, д. 1, л. 1.

³⁰ ГА КК, ф. Р-1519, оп. 3, д. 3, л. 26.

сообщал в Москву о патриотической деятельности обновленцев, проповедавших их предстоятеля и сборе им денег в фонд обороны³¹. В итоге в январе 1945 г. В. Иванов, незадолго до этого покаявшийся перед Алексием I, расторгший брак и принявший постриг под именем Флавиан, занял Краснодарскую и Кубанскую кафедру. Вероятнее всего, Кириллову было гораздо удобнее работать с покладистым и скромпрометировавшим себя ранее архиереем.

Епископ, а затем архиепископ Питирим (Свиридов) на Курской и Белгородской кафедре прославился пламенными речами о Красной армии и советской власти, хвалил большевиков за попечение о детях-сиротах, призывал участвовать в государственных займах. Когда в 1945 г. в епархии участились случаи «обновления» икон, владыка направил священникам специальное письмо, требуя воздерживаться от их почитания³². Постоянно отмечая в рапортах его лояльность, уполномоченный Ефремов рекомендовал немедленно переселить иерарха из скромных монастырских покоев в собственную квартиру, а также выделить ему паёк и автомобиль. Правда, подобные взаимоотношения с кураторами складывались в епархиях редко.

Перед Поместным собором 1945 г. некоторым уполномоченным пришлось направлять действия его участников, рассказывать им о том, каким образом следует отправляться в Москву, хлопотать о компенсации транспортных расходов. Участвовали уполномоченные и в подготовке архиерейских похорон. В первые послевоенные годы бывали случаи, когда они даже присутствовали при погребении для фиксации настроений духовенства и мирян, а также выяснения реальной численности пришедших проститься с владыкой. Так, после кончины епископа Воронежского и Острогожского Ионы (Орлова) в конце мая 1945 г. Гостев докладывал в Москву: «Я присутствовал в момент опускания гроба в могилу, а по приглашению родственников умершего и служителей культа принял участие в панихиде и поминках. Моё участие в похоронах было согласовано частью с Вами, а частью с местными руководящими организациями»³³. Тут же приводились данные о числе собравшихся, организации похорон и участия милиции в обеспечении порядка.

Рядовые священники, пережившие аресты 1920—1930-х гг. и служившие в условиях оккупации, пытаясь понять, что их ждёт после победы Советского Союза, нередко обращались за разъяснением своего положения к уполномоченным. Так, священник Иоанн Валинский интересовался, будут ли платить ему за ордена Св. Анны II степени и Св. Владимира IV степени, полученные ещё в императорской армии, и с гордостью указывал, что продолжал служить и при Временном правительстве, и при режимах, сменявшихся на Украине в 1918—1919 гг.³⁴ В Пинской обл. священник Михаил Лебедь, напротив, спрашивал уполномоченного: «Долго ли будут существовать церкви?»³⁵.

Иногда возникали конфликты из-за открытия и закрытия церквей, а также временного прекращения богослужений. Секретарь Воронежской и Острогожской епархии о. Евгений Лукин и правящий архиерей выражали недовольство тем, что власти закрыли храм в с. Губари Байчуровского района Воронеж-

³¹ Там же, д. 2, л. 16—16 об.

³² ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 6, л. 9.

³³ ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 2, л. 68.

³⁴ НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 5, л. 8.

³⁵ Там же, д. 6, л. 181—182.

ской обл., где произошла вспышка эпидемии тифа. Духовенство видело в этом «действие, противоречащее “Промыслу Божьему”, который исключает всякие заболевания в стенах храма»³⁶. Это не понравилось уполномоченному, настораживало его и отношение Иосифа (Орехова) к своему служению. «Как сам епископ Орехов, так и секретарь его — настоятель Никольского собора гор. Воронежа Лукин Евгений Павлович вопросами церковного хозяйства почти не занимаются, — докладывал Гостев в Москву. — Всё внимание управляющего епархией обращено на удовлетворение верующих религиозными обрядами, на перемещение и назначение служителей культа, на открытие церквей и на получение доходов. За время своей деятельности епископ Иосиф созвал одно совещание с благочинными и разослал по епархии письмо о своевременной уплате причитающихся епархиальных взносов, о принятии настоятелем храма участия в хозяйстве церкви и о сборе средств на патриотические цели. Однако контроль над проведением в жизнь этого письма установил только в отношении поступления взносов на церковное управление»³⁷. Деятельного секретаря епархии вскоре перевели в Ленинград. После этого сотрудничество между архиереем и уполномоченным постепенно наладилось, Гостев даже способствовал тому, чтобы краеведческий музей Воронежа выехал из Покровской церкви, а также договорился о выкупе по желанию главы епархии жилого дома напротив этого храма для епархиального управления. Правда, он представлял собой «лишь “коробку” разрушенного бомбардировкой в годы войны двухэтажного каменного здания», и на его ремонт пришлось собирать средства со всей епархии (в итоге удалось собрать 140 тыс. руб.)³⁸.

В то же время Гостев жёстко противился возобновлению служб хотя бы в одном из храмов Павловска. До октября 1917 г. в этом районном центре насчитывалось шесть церквей: две домовые — при тюрьме (полностью уничтожена в 1924—1925 гг.) и бывшем духовном училище, где в межвоенный период открыли сельскохозяйственную школу, Кладбищенская (разрушена вместе с кладбищем в 1938—1939 гг.), Соборная (передана сначала рабфаку, а позднее — бухгалтерско-экономическому техникуму, к концу войны её полуразрушенное здание пустовало), Казанская (занята инкубатором, хотя сохранилась достаточно хорошо) и Покровская — единственная пригодная для устройства прихода, но переоборудованная красноармейцами под кухню (до войны в ней располагалось педагогическое училище). Верующие Павловска в 1944—1945 гг. собирались на богослужения в частном доме, однако их многочисленность привлекла внимание органов государственной безопасности. Между тем в Покровской церкви мародёры срывали рамы и отрывали балки от пола. Лишь после долгих ходатайств и писем уполномоченному и Карпову, начиная с 28 декабря 1943 г., её всё же передали прихожанам. При этом первоначально местные власти вводили Совет по делам РПЦ в заблуждение, утверждая, будто в здании бывшего Покровского храма находится физкультурный зал и библиотека училища³⁹.

В первые послевоенные годы на ранее оккупированных территориях верующим приходилось отстаивать свои права на сохранение приходской жизни.

³⁶ ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 7, л. 7.

³⁷ Там же, д. 2, л. 132 об.

³⁸ *Сергей (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от её учреждения до 1960-х гг. Воронеж, 2011. С. 593.

³⁹ ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 7, л. 29—30.

Жёсткая регламентация и бюрократизация открытия приходов быстро отрезвила большинство мирян и священников, питавших надежды на коренное изменение церковно-государственных отношений после 1943 г. Между тем представители местной власти зачастую просто не понимали, почему им теперь надо учитывать мнения и пожелания священнослужителей и «церковников», которые воспринимались руководством колхозов и райисполкомов исключительно как враги или «фанатики». Неудивительно, что передача им храмов, открытых в период оккупации, а до того использовавшихся советскими учреждениями, встречала упорное противодействие. Арбитром в этих конфликтах становились уполномоченные по делам РПЦ, которые пытались не допустить ни роста недовольства верующих, ни усиления «религиозной пропаганды». При этом многие из них вовсе не разбирались в православных обрядах и таинствах. Гораздо важнее для них было обеспечение «единства» клиров и мирян в оказании помощи «родной Красной армии» и восстановлении страны. Со своей стороны, часть иерархов выполняла любые пожелания уполномоченных, порою не взирая их пагубные последствия, другие при внешней лояльности старались отстаивать интересы Церкви, лишь изредка соглашаясь на откровенно запретительные меры, третьи сразу выдвигали условия для выстраивания рабочих отношений, становясь удобной мишенью для доносов и критики.